

На стыке Синодального периода (1700–1917) и современного периода истории Русской Церкви во время работы Поместного Собора Российской Православной Церкви (1917–1918) были канонизированы два святителя: митрополит Астраханский Иосиф (†1671; пам. 11 мая) и епископ Софроний Иркутский (†1771; пам. 30 марта).

70 лет спустя, при Патриархе Пимене, в июне 1988 года, в Троице-Сергиевой Лавре состоялось историческое торжество — празднование Тысячелетия Крещения Руси. На нем был канонизирован лик русских святых: благоверный князь Димитрий Донской (†1389; пам. 11 мая), преподобный Андрей Иконописец (XV в.; пам. 4 июля), преподобный Максим Грек (†1556; пам. 21 июля),

Митрополит Московский Макарий (†1563; пам. 30 декабря)

, преподобный Паисий Молдовлахийский (†1794; пам. 15 ноября), блаженная Ксения Христа ради юродивая Петербургская (XIX в.; пам. 24 января), святители Игнатий Кавказский (†1867; пам. 30 апреля) и Феофан Затворник (†1894; пам. 10 января) и преподобный Амвросий Оптинский (†1891; пам. 10 октября)[1].

Собор новопрославленных святых охватывает почти шестивековой период нашего бытия. Среди них мы видим главу Церкви и государства, богословов-иерархов-молитвенников, преподобных подвижников. Женская святость представлена тяжелейшим подвигом юродства во Христе.

Одновременно на Соборе было принято решение: “Считать необходимым в послесоборный период продолжить работу по изучению дальнейших канонизаций для прославления других почитаемых в народе подвижников веры и благочестия...”. Год спустя, во время празднования 400-летия учреждения Патриаршества на Руси, на архиерейском Соборе были канонизированы Московские Патриархи Иов (†1607; пам. 19 июня) и Тихон (†1925; пам. 25 марта). При избрании ныне здравствующего главы нашей Церкви — Патриарха Алексия II — был прославлен праведный Иоанн Кронштадтский (†1908; пам. 20 декабря). А 4 апреля сего года в Успенском соборе Московского Кремля во время Божественной Литургии были причислены к лику святых родители преподобного Сергия Радонежского — преподобные схимонах Кирилл и схимонахиня Мария (†1337; пам. 28 сентября); митрополит Киевский и Галицкий Владимир (†1918; пам. 25 января.); митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (†1922; пам. 13

августа) и иже с ним пострадавшие архимандрит Сергей, Ю. П. Новицкий и И. М. Ковшаров, а также великая княгиня Елизавета Феодоровна (†1918; пам. 4 июля) и инокиня Варвара.

Все это дает основание для проведения параллели между нынешними событиями и событиями середины XVI века. **В 1547 г. в Москве состоялся Собор, на котором “установили... праздновати новым чудотворцам в Русской земли, что их Господь Бог прославил, Своих угодников, многими различными чудесы и знаменми, и не бе им доднесь соборного пения, мы же установиша на том Соборе праздновати по преждеуложенному уставу святых отец...”[2].** Разъехавшись, участники Собора стали собирать материалы для последующей канонизации русских святых. Об этом говорит царь Иоанн Грозный в своей речи на Стоглавом Соборе в 1551 г.: **“Мы же о сем молим святители всего нашего Российского царствия... койждо во всяких пределах порученных им... известно пытати и обыскивати... где которые чудотворцы прославились великими чудесы и знамении от коликих времен и в каковы лета, святителие же убо от радости духовныя от вожделения сердечнаго и от начинания и повеления нашего моления вскоре собирают каноны и жития и чудеса тех великих святых новых чудотворцев... И в 19 лето возраста моего по нашему наказу архиепископы и честныя архимандриты и игумены собиратися в царствующий сей град к нам ко отцу нашему Макарию Митрополиту”[3].** Так состоялся второй Макарьевский Собор 1549 г., на котором был прославлен новый лик русских святых[4].

После Соборов 1547, 1549 гг. Русский Месяцеслов значительно пополняется праздниками в честь русских святых. В это время было написано много служб и житий русским подвижникам. Вместо существовавших старых житий создаются новые редакции, составляются похвальные слова. Среди книг появляются рукописные сборники “новых чудотворцев”, содержащие службы новопрославленным святым и их жития.

Инициатором этих Соборов был выдающийся Первоиерарх Русской Церкви — Митрополит Московский Макарий, под руководством которого была проделана большая работа по собиранию и систематизации письменного и агиографического наследия. При нем в Русской Церкви началось печатание богослужебных книг. Это был выдающийся деятель русской культуры, духовный объединитель Русской земли. Агиограф-современник называет Святителя “Мучениколюбцем” и говорит: “Изрядно же дело его день и ночь, яко пчеле сладость отвсяду приносить, поискати святых жития... Многи от святых забвению предани быша... сих убо Святитель под спудом не скрывает, но на свещнице добродетели возлагает”[5].

Знаменательно, что на юбилейном Поместном Соборе был канонизирован и сей “чудный” святитель Макарий, созвавший Соборы 1547 и 1549 гг. В год его канонизации исполнилось 425 лет со дня его блаженной кончины.

Многие русские святые почитались и до Московских Соборов, но исключительно в тех местах, где они прославились своими подвигами. Соборные же суждения предписывали “пети и праздновати повсюду новым чудотворцом в Русской земли, что их Господь Бог прославил, Своих угодников”. Среди них мы видим первого русского автокефального митрополита Иону и его духовного друга Новгородского епископа Иону, учеников и сподвижников преподобного Сергия Радонежского: преподобных Никона и Евфимия Суздальского и святителя-миссионера Стефана Пермского; дальнего родственника великого князя Дмитрия Донского — блаженного Михаила Клопского[6]; благоверных воителей, защитников Земли Русской — Александра Невского, Всеволода Псковского, Михаила Тверского и др. С прославленными на Соборах святыми Святитель Макарий имел молитвенное общение, призывая их в своих молитвах, поминая во время Богослужений и т. д.

Но в своей жизни и деятельности Митрополит Макарий постоянно общался с подвижниками, и среди них — с теми, которые позднее, после своей кончины, были причислены Русской Церковью к лику святых. Среди святых, канонизированных на Макарьевских Соборах, обращает на себя внимание преподобный Александр Свирский (†1533; пам. 30 сентября). Он был прославлен через 14 лет после своей блаженной кончины. Это старший современник святителя Макария, с которым он был знаком, будучи ранее архиепископом в Новгороде (1526–1542). Промыслом Божиим преподобный Александр Свирский занимает особое место в жизни Святителя. Он является как бы связующим звеном между теми, кого Святитель прославлял на Соборах, и теми, с кем он непосредственно общался, кто в это время своими подвигами осолял Русскую Землю (Мф 5:13). Преподобный Александр перед своей кончиной написал послание архиепископу Макарию, завещая свой монастырь его попечению[7]. Святитель давал вклады в этот монастырь. Настоятель обители, игумен Иродион, позднее описал необычное и чудесное видение: уже скончавшийся преподобный Александр и еще живой святитель Макарий посетили Свирский монастырь[8]. Митрополит Макарий питал особую любовь к подвижнику, которому, как в древности Праотцу Аврааму, явилась в образе трех Ангелов Пресвятая Троица. Об этом свидетельствует и ранняя канонизация святого, которому митрополит еще раньше, до Собора, благословил написать житие[9]. У преподобного Александра было множество учеников и среди них — уроженец западных стран, преподобный Макарий Римлянин (XVI в.; пам. 19 января). Из его жития мы узнаём, что в настоятели основанного им монастыря он был возведен архиепископом Макарием[10].

Новгородский период деятельности святителя Макария совпадает с важным событием — его встречей с великим миссионером Русского Севера, преподобным Трифоном Печенгским (†1583; пам. 15 декабря). Однажды тот “обратился к Нову граду, и у архиепископа взя благословенную грамоту, и паки прииде на реку Печенгу, и приведе с собою церковных здателей, и начат строити церковь во имя святых и живоначальных Троицы”[11]. Архиепископ Макарий сам известен миссионерскими распоряжениями в своей Новгородской епархии. Он посылал в Вотскую пятину иеромонаха своего домового храма Илию, повелевая ему разорять языческие “требища”, искоренять нечестивые обряды, окроплять все святой водой[12]. В это время преподобный Трифон “прииде... в волостку Колу, тогда бо та волостка малое име поселение, из русских мест новопришелцы, и воеводы не обретахуся. И тамо, Божиим строением, нечаемо, обрете иероинока, именем Илию, и взят с собою паки прииде на реку Печеньгу, идеже во имя Живоначальных Троицы построена церковь. Ту святую церковь иероинок Илия освятив; и лопарей, ихже преподобный отец Трифон породил словом проповеди, тому иероиноку повеле просветити святым Крещением”[13]. В службе преподобному Трифону он прославляется как почитатель Святой Троицы: “Велию обитель Святых и Живоначальных, Единосущных и Нераздельных Троицы создал еси, и монахов множество собрав”; “утвердився верою во Святую Троицу, яко щитом крепким, преподобне”; “Троическим исповеданием многобожия леств разрушил...”[14].

Житие преподобного Даниила Переяславского рассказывает, что и он путешествовал в Новгород и обращался к святителю Макарию со своими монастырскими нуждами. “И некогда случися ему (то есть преподобному Даниилу. — а. М.) итѣти в Великий Новѣград и с ним два инока — Иларион и Матвей ради икон в новопоставленную церковь и иных ради потребных ко архиепископу Макарию. Бяху бо архиепископ Макарий с Даниилом единыя обители пострижение имущи. Архиепископ же духовную любовь имяше к старцу и потребная монастырю посылаше”[15]. Встреча постриженников монастыря преподобного Пафнутия Боровского, несомненно, напомнила им начало иноческих подвигов в знаменитой обители. Изделия владычной мастерской, за которыми путешествовал преподобный Даниил, посылались в Переяславль не только в Данилов монастырь, но и в Горицкий, где первоначально некоторое время подвизался преподобный Даниил. В поминальном Синодике этого монастыря записано: “Новгородский архиепископ Макарий поставил в церкви Деисус с праздники и с пророки”[16]. Волею Божиею судьба святителя Макария и преподобного Даниила была одинакова и они вопреки своему желанию скончались вдали от монастыря своего пострижения — Пафнутиева-Боровского.

Служба преподобному Даниилу прославляет его и как почитателя Святой Троицы. В тропаре ему читаем: “...и обитель красну во славу Пресвятыя Троицы воздвигнув, и собранное тобою в ней стадо Христово богоугодно упас, преставился еси к вечным

обителям, отче Данииле. Моли Триипостасного во Едином Существом Бога, спаситися душам нашим"[17]. В другом месте говорится о необычном явлении Преподобному: "Божественного светоявления сподобився, благое намерение и желание о здании церкви дивным трием странником открыл еси преподобне: тии же три лета пождати совеща..."; "Яко боготечную звезду прият преподобный совет триех странных мужей не начинати строения церковного ранее триех лет, да не хотение человеческо, но Божие действует изволение..."[18]. Автор жития Преподобного Всероссийский Митрополит Афанасий, преемник по кафедре святителя Макария (1564–1566), свидетельствует о явившихся путниках, что Преподобный Даниил, "яко ангелы Божия зряще их"[19].

Самым выдающимся архиерейским рукоположением, которое совершил святитель Макарий, став Всероссийским Митрополитом (1542–1563), была хиротония первого Казанского архиепископа Гурия. Это было необычайное событие в русской церковной жизни. Еще недавно слово "Казань" было синонимом и источником постоянных бед и разорений для страны, еще недавно там страдали православные христиане-мученики[20], а теперь новопокоренный град становится центром распространения христианства в мусульманском крае. Поэтому в хиротонии первого Казанского святителя участвуют все русские архиереи в сослужении архимандритов и протопопов московских и других монастырей и соборов. Во время Богослужения в соборе молились хилендарские старцы со Святой Горы, а также молдавские и литовские послы. Летопись замечает, что всех служащих в Успенском соборе было 76 человек, "опричь подъяков"[21]. Новоучрежденная епархия по старшинству была поставлена после Новгородской кафедры и выше Ростовской. Святитель Димитрий Ростовский (†1706; пам. 28 октября), автор службы архиепископу Гурию, говорит в каноне о его архиерейской хиротонии: "Благословением Первосвятителя, поставляешися пастырь и учитель новопросвещенному граду Казани, идеже прелестию врага омраченныя люди, светом богоразумия просветил еси"[22]. Позднее, в мае месяце "Неделю седмую по Велице дни _____", **Митрополит Макарий торжественно благословил архиепископа Гурия шествовать к месту архипастырских трудов "и архимандритов Германа и Варсонофия", и всех людей, иже с ним в путь грядут, осеняет их честным и животворящим крестом, и благословляет их в новопросвещенный град Казань"[23]].**

По дороге ему предписывалось творить водосвятные молебны, кропить все освященной водой и читать молитву первого русского Митрополита Илариона (1051 г.), современника перерождения Руси из языческой в христианскую[24]. Как явствует из одного письма Грозного царя Иоанна Казанскому святителю, Митрополит Макарий не оставлял его в своем попечении и в последующее время. Он писал ему неоднократно послания и посылал различных людей и мастеров, необходимых в новообразованной епархии[25]. Более восьми лет, до самой своей кончины, подвизался в Казани архиепископ Гурий (†4.XII.1563), почти на месяц опередив Митрополита Макария своим отшествием в иной мир.

Во время первосвятительства Митрополита Макария к нему неоднократно обращались настоятели, строители монастырей с просьбой о предоставлении льгот и т. д. Одним из таких просителей был преподобный Адриан Пошехонский (†5.III.1550). В его житии читаем, как он вместе со своими учениками обратился к Святителю за благословением на создание монастыря. “Преосвященный же Макарий, Митрополит Московский и всея России, благословляет старцев и по прошению преподобных повелевает им храм воздвигнути во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славного Ея Успения, и вручи им благословенную грамоту <...> великий святитель Макарий Митрополит благословляет, поставляет диакона Адриана на духовную степень на игуменство и священноиноческая действовать и вся монастырская строити, и вдаде ему настольную грамоту и повелевает священноиноком и диаконом и иноким и простым людям слушати его и во всем повиноватися, яко пастырю и учителю, наказах его духовным словесем, и отпустих игумена с миром во своя ему пустыню”[26]. В службе Преподобному кратко говорится о его священстве[27] и подробнее — в более позднем гимнографическом памятнике — Акафисте: “Проповедник чудес Божиих явился еси преподобне отче, пришед от пустыни твоея в царствующий град Москву, идеже от первосвятителя Макария с любовию восприятый, во иерея от него освящен был еси и игуменом обители твоея поставленный, со мноюю милостынею в ню возвратился еси, благодарственно взывая ко Господу: Аллилуиа”[28].

Митрополит Макарий принимал деятельное участие в нуждах и других монастырей. Царь Иоанн Грозный писал, например, в грамоте, данной преподобному Феодосию Тотемскому (†28.I.1568): “И отец наш Макарий Митрополит всея Руси того старца Феодосия Суморина благословил церковь воздвигнути Преображения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа монастырь строити на Тотьме...”[29].

С именем Митрополита Макария можно связывать начало церковного почитания преподобного Максима Грека[30]. В одном из своих посланий он писал к нему: “Узы твоя целуем, яко единого от святых”[31]. На Соборе при Митрополите Макарии свидетельствовался, то есть рассматривался, перевод Псалтири, сделанный Максимом Греком[32].

Во время Богослужения Митрополита Макария в Успенском соборе нередко молился блаженный Василий, Христа ради юродивый, — “нагоходец”, как его называли современники. Из его жития известно, как однажды “в некий праздник и поиде государь за Литоргию с благоверною царицею и со всем своим сигклитом во святую Божию церковь в собор Успения Божией Матери, и тогда безчисленну народу быву во оной соборной церкви за Литоргию. Ту же бысть и Василий Блаженный стояв во едином угле царю не являяся тогда, яко же прежде обычно ему завсегда являяся. За оною же Литоргию царю помышляшу о созидаемом дворце на Воробьевых горах како

бы его лепо внутри и добре устроити и чем покрыти оныя палаты”. После службы царь, встретив Блаженного, очень удивлялся, что не видел его в храме, “Блаженный же рече: «Благодарный царю во оной Церкви Успения Божией матери за Литургию не бе множество народа яко же ми поведеша, но токмо трое: первое Митрополит, вторая благодарная царица, третий аз грешный»”[33]. Митрополит здесь не назван по имени, но хронологически это мог быть только святитель Макарий. В другом месте жития говорится о том, как Первоиерарх узнал о московском подвижнике: “не может укрытиса град верху горы стоя: дойде бо слава о нем жития его ради чистоты, и терпения крепкаго, в слухи и благодарного царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца и преосвященнаго Митрополита Макария Московского и вся России. О его же житии сказа самодержавнейшему сей преосвященный Митрополит Макарий, и зело дивишеся о его терпении и похвалиша Бога яко в их время дарова Бог такова свята мужа”[34]. Святитель сам лично отпевал и погребал Блаженного. “Преосвященный же Макарий Митрополит со всеосвященным собором, псалмы и песни надгробныя певе над мощами святаго, погребоша я честно...”[35].

Число русских подвижников, с кем общался Митрополит Макарий, несомненно больше. К их числу следует отнести также преподобного Адриана Ондрусовского (†1550; пам. 26 августа). Это был ученик преподобного Александра Свирского. В 1549 году он, будучи в Москве, крестил царскую дочь Анну (†1550) в Новодевичьем монастыре, “да старец Геннадий Сарарайские пустыни, а действовал священническаа игумен Троицкий Сергиева монастыря Серапион Курцов”[36]. Вторым старцем при крещении царской дочери был преподобный Геннадий Любимоградский (†1565; пам. 23 января), который начинал свои монашеские подвиги с благословения преподобного Александра Свирского[37]. Несомненно, оба Преподобных виделись и общались при этом с Митрополитом Макарием.

Летописи говорят о крещении татарских ханов в Москве после покорения Казани в 1552 году, причем Утемиш-Гирея крестил в Чудове монастыре сам Митрополит Макарий, назвав его Александром. В это же самое время был крещен один малолетний мурза, впоследствии — преподобный Серапион Кожеезерский (†1611; пам. 27 июня)[38]. Он, несомненно, мог видеть во время Богослужений дивного Святителя.

Следует остановиться еще на одном явлении. Святитель Макарий неоднократно в своей жизни поклонялся чудотворным иконам. Будучи в Новгороде, он поновляет великую Новгородскую святыню — образ Богоматери Знамение[39]. При архиепископе Макарии в Великий Новгород дважды приносились святые иконы для всенародного поклонения. Об одном таком событии мы узнаем из летописи. В 1530 г. была принесена икона Умиление Богоматери “ис Пустои Ржовы, из монастыря Спасова Преображения”[40]. Чудотворный образ находился в Пятницком храме на торговой

стороне, затем — в Софийском Соборе “на поклонение христианом”, после чего икону возвратили в монастырь. Следующее подобное событие в духовной жизни Новгорода произошло через 9 лет. Около Каргополя явилась икона святителя Николая и мучениц Варвары и Параскевы. Известие об этом дошло до Новгорода, до святителя Макария. “И повеле архиепископ (Макарий — а. М.) ту чудотворную икону привести в Новград. И поставиша ее в церкви Премудрости Божии и быша тамо от тое иконы многа чудесе: мнози недужнии исцеление получиша и здрави быша. И повеле архиепископ ту святую икону принести в монастырь девичь, что в земляном городе на Софийской стороне во имя Варварской и ту святую икону в том монастыре поставити в церкви”[41]. Затем по повелению Святителя и на его средства на месте явления иконы был построен деревянный храм во имя великомученицы Варвары, где и был установлен чудотворный образ. С него была снята точная копия “и привезоша ю в Новгород и поставиша ту новую икону в том Варваринском девиче монастыре в церкви”[42].

В Москву при святителе Макарии для поклонения приносится явленный образ Архангела Михаила из новооснованного города Михайлова[43]. В 1555 году в Москве находилась чудотворная икона святителя Николая Великорецкого. “И обновлял образ Николы чудотворца сам Макарий митрополит, бе бо иконному писанию навичен, а с ним Андрей протопоп Благовещенский со многим желанием и верою, постом и молитвою”[44]. Один из приделов строившегося в это время Покровского собора-памятника по случаю казанского взятия был посвящен этому чудотворному образу святителя Николая. Когда во время Ливонской войны русскими войсками была покорена Нарва (Ругодив), то для поклонения в Москву были принесены два образа: Пресвятой Богородицы и святых “Николы Чудотворца да Власиа Великого да Козмы и Дамиана”[45], которые чудесно сохранились во время пожара при штурме города.

Перед приносимыми иконами Митрополит Макарий совершил молебны, иконописцы писали с них копии. Принесение этих икон тесно связано с теми событиями, которые переживало русское общество в то время и которые Церковь — в первую очередь в лице самого Митрополита Макария — освящала поклонением.

Митрополит Макарий — духовный собиратель сокровищ Древней Руси; Соборы 1547, 1549 гг. — лишь одна сторона его многогранной деятельности, но они характеризуют его как почитателя отечественных подвижников. В Священном Писании говорится: “Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже, зело утвердишася владычества их. Изочту их, и паче песка умножатся” (Пс 138:17–18). Действительно, эти слова Псалмопевца были очень близки святителю Макарию. Благодаря его усилиям умножились нравственные идеалы русского народа. Апостол Павел учит: “Поминайте наставники ваша <...> иже взирающе на окончание жительства, подражайте вере их” (1 Фес 13:7). Митрополит Макарий чтит своих наставников, своих предшественников. Это выразилось в

канонизации преподобных Пафнутия Боровского и Ферапонта Можайского, Новгородских святителей и Московских Первоиерархов. Их труды он активно продолжал и подражал им в своей деятельности.

Один современник так описывает духовные подвиги святителя Макария: “От зельного воздержания и поста, елико ему едва ходити, кроток же и смирен и милостив ко всему, гордости же отнюдь ненавидяще, но иным отсекаше и запрещаше злобою, отроча обретаеся умом, всегда совершен бываше”[46]. Таким образом, Митрополит Макарий в своей первосвятительской деятельности, прославляя на Соборах святых своих соотечественников, и сам отличался высотой духовной жизни. Более того, он постоянно общался с теми, кто позднее был прославлен Русской Церковью, благоговейно поклонялся святым чудотворным иконам. Вспоминаются слова псалма Давидова: “С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши” (Пс 17:26–27). Они вполне могут быть отнесены к жизни и деятельности Митрополита Макария.

Среди святых собеседников Митрополита Макария мы видим миссионеров: святителя Гурия Казанского и преподобного Трифона Печенгского; почитателей Святой Троицы — преподобных подвижников Александра Свирского и Даниила Переяславского и т. д.

Агиографический материал русских святых XVI столетия со всей очевидностью открывает новую страницу в жизни и деятельности этого замечательного Первоиерарха Русской Церкви. Богатое русское духовное гимнографическое и агиографическое наследие, которым живет наша Церковь, хранит в себе духовный образ Митрополита Макария.